

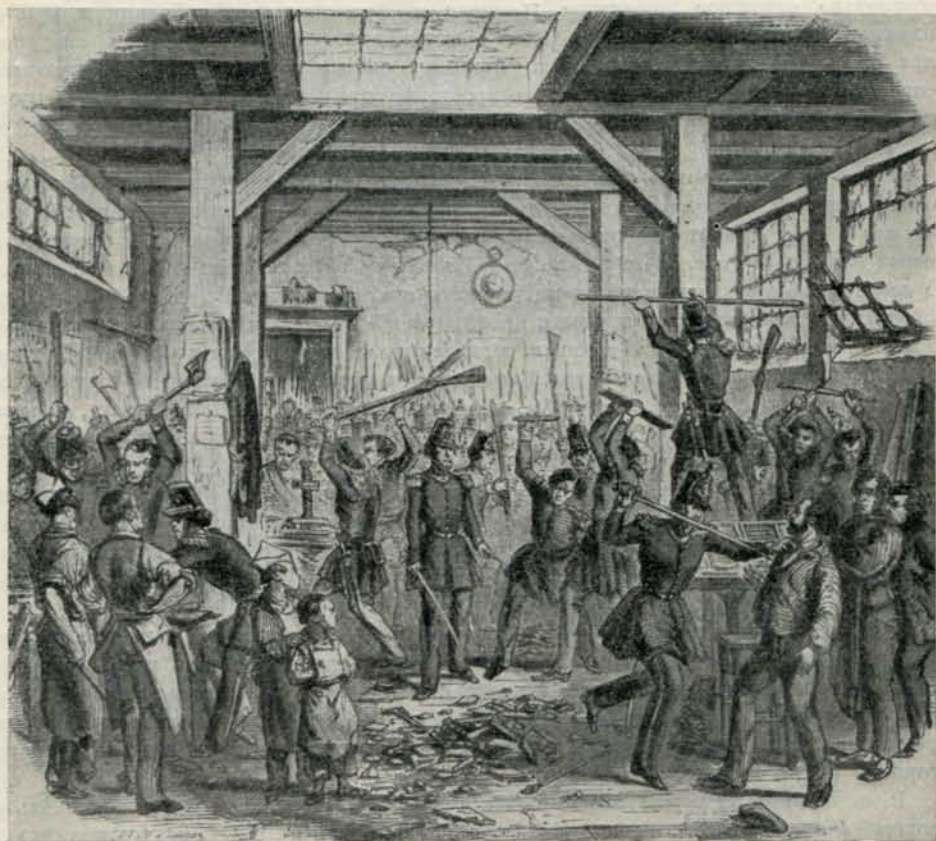
ПЬЕРУ-ЖОЗЕФУ ПРУДОНУ

Публикация Натальи Эфрос

Публикуемое письмо, датированное июнем 1856 г., является еще одним ярким документом, в котором отразилась «духовная драма», пережитая Герценом после 1848 года. Письмо проникнуто глубоким скептицизмом и пессимизмом по отношению к Западу. «Теперь это уже не смерть», — определяет Герцен состояние современной ему Западной Европы, — это «гнилостное брожение».

Адресат письма не обозначен. Однако цитата, приведенная Герценом в тексте с указанием, что автором цитаты является адресат публикуемого письма, дает возможность установить, к кому оно обращено. «Шесть лет назад, — пишет Герцен, — вы сказали эти огромные слова: „Не Катилина стоит у ваших ворот, а смерть“». Слова эти принадлежат Прудону (см. ниже, примеч. 3). Таким образом, не остается сомнений, что письмо адресовано именно ему.

Переписка Герцена с *Прудоном* (Proudhon, Pierre-Joseph, 1809—1865) дошла до нас в неполном виде (см. нашу публикацию «Французские корреспонденты Герцена» — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 266, 286). До сих пор в печати ни одного письма ни Герцена к Прудону, ни Прудона к Герцену за 1856 г. известно не было. Известны письма и за дальнейшие годы — 1857—1859. Нет также упоминаний о переписке

13 ИЮНЯ 1849 г. В ПАРИЖЕ

Разгром отрядом национальных гвардейцев типографии, где печатались республиканские и демократические газеты

«L'Illustration» от 23 июня 1849 г.

этих лет ни в письмах Герцена и Прудона к третьим лицам, ни в других источниках.

Это позволяло предполагать, что в эти годы они вообще не переписывались. К такому выводу и пришел автор французской книги о Герцене и Прудоне — Р. Лабри (Raoul Labry. Herzen et Proudhon. P., 1928, стр. 131—153).

Публикуемое письмо не только не дает основания утверждать, что в 1856 г. Герцен и Прудон не писали друг другу, но, напротив, наводит на мысль, что между ними в это время существовала оживленная переписка. Герцен отвечает, по всей вероятности, на какое-то неизвестное нам письмо Прудона, просит извинить ему его, очевидно, продолжительное молчание («Я чувствую себя всецело перед вами виноватым в своей... немоте»).

Написано письмо в том дружеском тоне, который характерен для всей переписки Герцена и Прудона в период между 1851—1855 гг. Как известно, Герцен и в эту пору не закрывал глаза на то, что он называл «темными сторонами» таланта Прудона — на реакционные элементы его мировоззрения. Но, в отличие от основоположников научного социализма Маркса и Энгельса, Герцен долго идеализировал Прудона, видел в нем «главу революционного принципа во Франции» и не понимал, что в действительности, как писал Маркс еще в 1846 г., «... Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1948, стр. 32).

Идеализации Герценом революционной роли Прудона в немалой мере способствовало отважное поведение Прудона в Национальном собрании в 1848 г., позволившее Марксу сказать: «Его; выступление в Национальном собрании, хотя оно и обнаружило, как мало понимал он все происходящее, заслуживает всяческой похвалы. После июньского восстания это было актом высокого мужества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Письмо Швейцеру, стр. 157).

Борьба на два фронта — против Луи-Бонапарта и против буржуазных демократов-республиканцев, которую вел Прудон, — создала ему многочисленных врагов. Сам он говорил о себе, что предан ostracismу всех партий без исключения. Вскоре после смерти Прудона в цитированном письме к Швейцеру Маркс писал: «При этом, однако, не следует забывать, что в то время, когда я объявил книгу Прудона <«Философия нищеты, или система экономических противоречий»> кодексом мелкобуржуазного социализма и теоретически это доказал, экономисты и социалисты предавали Прудона анафеме как ультра-революционера. Вот почему я и позднее никогда не присоединял своего голоса к тем, кто кричал об его „измене“ революции. Не его вина, если, с самого начала ложно поняты как другими, так и самим собою, он не оправдал необоснованных надежд» (там же, стр. 156).

Нападки на Прудона, в особенности же со стороны левых буржуазных партий, вызывали глубокое возмущение Герцена. Оно явственно звучит в публикуемом письме и выражено здесь в словах, близких к тем, которые Герцен гневно обрушил на противников Прудона в гл. VI «С того берега» — «Omnia mea mecum porto» (V, 476).

Спустя два года после того как Герценом было написано публикуемое письмо, его отношение к Прудону резко изменилось. Перелом был вызван выходом в свет в 1858 г. книги Прудона «О справедливости», которую Герцен в письме к М. К. Рейхель от 4 июня 1858 г. определил как «целый том (...) римско-католической клеветы против женщины...» и, позднее, как «старые изношенные пугала из гегелизма правой стороны» (IX, 252; XIII, 460).

Реакционные элементы мировоззрения Прудона еще резче дали себя знать во втором «исправленном и дополненном» издании книги «О справедливости» и в следующей его книге «О войне и мире». Он занял в них враждебную позицию по отношению к национально освободительной борьбе польского народа, позицию, которую так резко осудил Маркс (см. цит. письмо к Швейцеру, стр. 156—157). Этого Герцен не мог простить Прудону. Не прекращая с ним личных отношений, Герцен порвал с Прудоном идейно и политически.

Juin 1856

1 Petersboro Villas Finchley. New-Rood.
Londres

Cher et vénérable ami,

J'ai appris avec un grand bonheur que vous vous étiez informé de mes nouvelles, il y a quelques jours. Je suis d'autant plus heureux de cela, que je me sens parfaitement coupable envers vous de mon mutisme slavo-anglais. Les Russes se taisent ne pouvant rien dire; les Anglais, ayant le droit

П.-Ж. ПРУДОН

(в бытность депутатом французского Национального собрания)

Литография, 1848 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

de tout dire, ont perdu l'attrait de la chose et c'est ainsi que les extrêmes se touchent et que les Etats-Unis sympathisent avec la Russie¹. J'ai donc deux causes atténuantes et cela n'est pas tout. Il y a une certaine stagnation de la pensée; elle se voit si complètement inutile, si complètement luxe, débordée, foulée aux pieds par la seule réalité réelle—par la force majeure—elle n'a rien à dire, ou à dicter. Au moins les Trappistes² avaient l'avantage,

faute de nouvelles plus intéressantes, de se dire le «Memento mori», ils avaient un malheur à attendre. Moi je n(en)attends aucun; des permutations, des changements, fermentation putride avec des variantes de hasard. Il y a 6 ans vous avez dit ces immenses paroles: «Ce n'est pas Catilina qui est à vos portes — c'est la mort!»³ Ce n'est pas la mort maintenant — c'est déjà le point du célèbre *Circulus* — dans lequel il ne commence pas encore à tourner vers sa transfiguration, — passez-moi l'expression au nom du philosophe agriculteur de Jersey⁴ — vers sa transfiguration inodore. J'ai pu observer ici un fait bien curieux: à mesure que vos prédictions s'accomplissaient — on se détachait de vous. Chaque fait qui venait à l'appui de vos paroles — mettait en rage les stylites de l'orthodoxie révolutionnaire. On vous en voulait de l'audace de ne pas vous tromper. Oh que j'ai rompu de lances — contre la «cérébrine» en pétrification des hommes les plus excellents «mais de mauvais musiciens», comme le disait Hoffmann. Voilà que je retombe dans les cancons. Si dans les autres pays cela va vite, la maladie est aiguë, en Angleterre au contraire c'est la lourde hydropisie (véritable maladie pour une île).

Перевод:

Июнь 1856 г.

1 Petersboro Villas Finchley. New-Rood
Лондон

Дорогой и уважаемый друг.

С большой радостью узнал я, что вы осведомлялись обо мне несколько дней назад. Я тем более рад этому, что чувствую себя всецело пред вами виноватым в своей славяно-английской немоте. Русские молчат, лишены возможности что-либо говорить; англичане, имея право говорить всё, потеряли к этому вкус, а отсюда и происходит что крайности сходятся и Соединенные Штаты сочувствуют России¹. Итак, у меня два смягчающих вину обстоятельства, но это еще не всё. Сейчас какой-то застой мысли, она сознает себя до такой степени бесполезной, до такой степени ненужной роскошью, до такой степени выкинутой за борт, растоптанной единственной реальной реальностью, непреодолимой силой, что ей нечего сказать, нечего предложить. У траппистов² было, по крайней мере, то преимущество, что они могли, при отсутствии более интересных новостей, говорить себе: «Memento mori»*, они могли ждать несчастья. Я же не жду никакого несчастья; перемены, измененья—гнилостное брожение с вариантами, вносимыми случайностями. Шесть лет назад вы сказали эти огромные слова: «Не Катиллина стоит у ваших ворот, а смерть!»³. Теперь это уже не смерть, а та точка знаменитого *Circulus***⁴, когда он, еще не начинающий поворота к своему видоизменению, к своему,— простите мне, во имя джерсийского философа-земледедца⁴ это выражение — лишённому запаха видоизменению. Я имел возможность наблюдать здесь весьма любопытный факт: по мере того как ваши предсказания сбывались, от вас отходили. Каждый факт, подтверждавший ваши слова, приводил в бешенство столпников революционного православия. Вам ставилось в вину то, что вы имели дерзость не ошибаться. Ах, сколько изломал я копий об окаменевшее «мозговое вещество» прервосходнейших людей, но «плохих музыкантов», как говорил Гофман. Но я опять перехожу на сплетни. Если в других странах все идет быстро, болезнь носит острый характер, то в Англии, напротив, болеют тяжелой водянкой (самой подходящей болезнью для острова).

Авторская копия. ЦГАОР; ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 134, л. 3—3 об.

¹ О чем идет речь, неясно, но, может быть, сказанное Герценом надо поставить в связь с затяжным и острым конфликтом, имевшим место в те годы между Англией и Америкой:

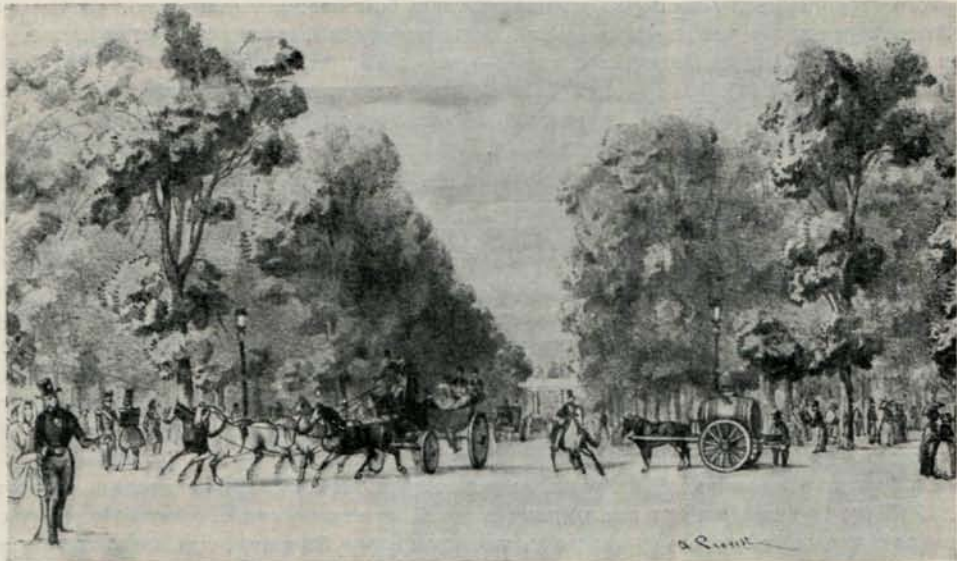
Поводом к конфликту послужило нарушение Англией во время Восточной войны законов нейтралитета. Англия, повесившая от русских войск большой урон

* Помни о смерти (лат.).

** Круговорота (лат.).

в живой силе, стала вербовать («покупать», как тогда говорили) солдат не только в Европе, но и в Соединенных Штатах. Вашингтонский кабинет воспротивился этому. Вербовщики были арестованы и преданы суду, а президент Пирс в резкой ноте потребовал отозвания английского посланника. Отказ английского правительства выполнить это требование заставлял опасаться вооруженного столкновения. «Англичане сдуру дразнят Америку; если они ее додразнят до драки, — вот пойдет кутерьма-то, — писал Герцен к М. К. Рейхель 31 марта 1856 г. (VIII, 266).

Особенного напряжения конфликт достиг летом 1856 г., т. е. как раз тогда, когда писалось публикуемое письмо. Столбы всех газет заполнились сообщениями об англо-американской распри. Естественно, что и Герцен мог коснуться этого вопроса. А поскольку Америка, выступая в защиту нейтралитета, тем самым объективно содействовала интересам России, он мог сказать, что «Соединенные Штаты сочувствуют России».

ПАРИЖ. ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ, АВЕНЮ МАРИНЫ

Литография, 1850-е гг.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

² *Трапписты* — католический монашеский орден, с особенно строгим уставом. На монахов этого ордена налагался обет молчания, и им вменялось в обязанность постоянно думать о смерти. Выражение «Memento mori» произносилось ими вместо приветствия.

³ Заключение слова статьи Прудона «Philosophie du 10 mars. Monarchie ou république» («Философия 10 марта. Монархия или республика»), напечатанной в газете «La voix du peuple», 1850, № 178, 24 марта. Эти слова Герцен приводит также и в «С того берега» (V, 469) и в «Письмах из Франции и Италии» (VI, 126) и в «Былом и думах» (XIII, 452). Герцен цитирует не совсем точно, у Прудона сказано: «Это не Катилина, это не банкротство у ворот ваших, а смерть».

⁴ *Джерсийским философом-земледельцем* Герцен называет Пьера Леру (Leroux, Pierre, 1797—1871).

После декабрьского переворота, заставившего Леру покинуть Францию, он поселился на острове Джерси. Заинтересовавшись агрономией, он ставил здесь опыты по удобрению почвы.

Circulus — утопическое учение о круговороте, или обращении материи, выдвинутое Леру в полемике против Мальтуса. В соответствии с этим учением, в мире существует постоянный круговорот материи, неиссякающей и вечной. Все живые существа, в том числе и человек, возвращают почве в виде своих пищеварительных отравлений и при разложении трупов то самое количество органической материи, необходимое для поддержания жизни, которое они получили из почвы. Таким образом, жизнь возрождается из смерти, производство — из потребления, и угрозы перенаселения, о которой говорил Мальтус, не существует.